

Вадим Захаров

Первая корректура к "Коллективным действиям"

"Лоэнгрин" - акция, посвященная В. Захарову.

(6 апреля 2000. Бохум.)

1.

Многолетняя практика работы группы "Коллективные действия" со строго инструктируемым участником и зрителем навела меня на размышления о возможных поправках к ортодоксальному методу "КД". Действительно, все без исключения акции группы - это выполнение участником тех или иных действий, указаний, рекомендаций, разработанных организаторами акции заранее. От зрителя-участника требовалось негласное согласие следовать указаниям "сверху". И "ведомый" оказывался в результате выполнения этих дисциплинарных действий перед решением неординарных задач и их нестандартным осмыслением. Об этом уже много писалось.

Размышляя о творчестве КД, я подумал, что было бы интересно и важно несколько сменить акценты в самой структуре деятельности группы, при этом не разрушая традиционной её ткани. Для этого нужно было проявить некоторое своеволие, приложить некое усилие, что не всегда приемлемо на территории чужой мысли. Было разработано несколько "поправок", имеющих разную степень нажима и корректуры. Со временем, постепенно, они будут выявлены и объяснены. Начать же я решил с "корректуры удовольствия" - я хотел поменять местами "удовольствие автора" на «удовольствие участника». Я страстно желал своими действиями доставить удовольствие тому, кто был лишен его на протяжении 25 лет. Об этом можно сказать и по-другому - Андрей Монастырский оказался лишенным долгое время того, что сам требовал у зрителей - "удовольствия от отсутствия самих себя". Это показательно и в том смысле, что сам Андрей Монастырский как бы стал помехой самому себе.

Монастырский-Тело заслонило Монастырскому-Автору тот самый "горизонт понимания", за который Автор отослал не один десяток людей, тем самым отрезав самому себе "отход от собственного тела". Автор в последние годы активно прячется за спиной Тела, выставляя напоказ его слабости, раздражительность, физические недостатки, тяжесть в животе и прочее. При этом непомерно разросшееся Тело придавило, подмяло под себя, как мне подсказывает мое субъективное наблюдение, столь безнадежно неудовлетворенного Автора. Когда Андрей Монастырский сказал, что собирается сделать акцию, посвященную мне, я подумал, что это подходящий момент попробовать, наконец, доставить Монастырскому-Автору хоть небольшое удовольствие, проколов этот непомерно раздувшийся образ бесцеремонного Тела.

2.

В октябре 1991 года там же, в Бохуме, Андрей и Сабина Хэнсен уже делали для меня акцию "У озера", которая по моей глупости не удалась так, как планировали авторы. Подготовка новой акции (в апреле 2000) проходила под негласным названием "Возвращение к Озеру". По крайней мере Сабина по телефону и при встрече говорила об этом. Мне был назначен день и

час. От Кёльна до Бохума - чуть больше одного часа езды на поезде. Мы договорились, что я подъеду в Бохум в 12.32 и мы сразу на машине отправимся к месту акции.

За несколько дней до этого Андрей Монастырский попросил меня помочь в перезаписи его старого видеоматериала, который готовился для выставки "Возвращение из Вены". На пленке можно было видеть какой-то странный механизм с вращающимся картонным циферблатом. В день акции (рано утром) я заканчивал эту перезапись и обратил внимание на указанное время картонных часов - 10.10 .

Тогда же утром я решил взять с собой диктофон для скрытой записи разговоров "предъакционных". Но начать запись я решил с шума вращающегося циферблата ещё у себя дома (шумом я назвал тот скрежет и треск, исходящий от неуклюжего механизма, напоминающий кустарные аппараты из старых фильмов о Франкенштейне). Я подумал, что этот звук будет сразу узнан Андреем и даст ему ключ к пониманию того, что я задумал, и ко всей последующей моей записи, начавшейся на вокзале в Бохуме сразу, как я вышел из поезда.

Идея была проста. Я планировал воспроизвести всё, что записал до акции на диктофон, в тот момент после акции, когда Андрей, как обычно, просит прокомментировать происшедшее, и тем самым неожиданно поставит Автора в положение Участника той акции, в которой он был полноправным хозяином. Он должен был оказаться вплетённым в ткань другого сюжета, не подозревая об этом. Самое подходящее для этого время - когда Андрей усердно занят "своим" делом - дирижированием чужими мозгами, забыв на время про свои. Вот это неизвестное для самого Андрея состояние "отключки" от рефлексии и контроля над собственными мыслями и чувствами я и хотел ему продемонстрировать, дав прослушать запись того момента его жизни, который на протяжении почти двадцати пяти лет ускользал от него самого.

Я предполагал, что готовящаяся для меня акция может коснуться моей последней работы "Секты, пророки, гештальт", которую Андрей и Сабина видели на выставке в Jeu de Paume, в Париже, участниками которой они тоже были. В связи с этим я взял с собой брошюрку очередного русского пророка Виссариона. Также я взял с собой маленькую книгу "О Сезанне" - Воллара (абсолютно вне всякой логики), предполагая, если понадобится, прочесть последнюю страницу о последнем дне жизни Сезанна. Зачем? Почему? Я не знал тогда и не знаю сейчас. И последнее, что я взял с собой, - мои короткие рассказы из ещё незаконченной книги "Крым - воспитание глупых". Слава Богу, что и это чтение никому не понадобилось.

Распихав по карманам книги, засунув в портфель видеокамеру, штатив, фотоаппарат, диктофон, наушники, я отправился на кёльнский вокзал. И тут начались, по сути, "традиционные штучки" КД. На вокзале царил хаос. Чтобы объяснить моё крайнее удивление, скажу, что за десять лет моей жизни в Кёльне такое случилось впервые. Все компьютеры были заблокированы вирусом "I love you". Соответственно все поезда, а тем более люди находились в состоянии крайнего беспорядка и раздражения. Единственный, кто был абсолютно спокоен, это я. Я-то понимал, что происходит. Всё вокруг оказалось подчинено никому неизвестному механизму, центром которого был я. (Так, наверно, видит, ощущает себя в мире шизофреник, когда Всё имеет основание, причину, ответ в нем самом). Да, я был и причиной, и центром, и беспределом этого момента. Состояние это незабываемо и, честно говоря, я радовался всплывшему во мне ощущению безумия.

Окинув обстановку хозяйским взглядом, я решил пойти позвонить Андрею в Бохум. Трубку с той стороны никто не брал. Я понимал, что немцы справятся с вирусом "I love you" очень быстро и вряд ли я опоздаю больше, чем на два часа. Я был предельно спокоен, пока на информационных табло не появилось объявление, что поезд в Бохум будет через 45 минут и отправится вместо того, который по расписанию должен был следовать в 10 часов 09 минут (на моих часах было уже около двенадцати). Я опять-таки, как безумец, убедившись в который раз, что всегда прав, затрепетал от волнения, сопоставив время на картонном (10.10), предлагаемом (10.09) и реальном (11.54) циферблатах. Я не сомневался, что всё движется в русле акции, но совпадение времени заставило меня все же оцепенеть - я двигался по расписанию, негласно, случайно, нарочно (как хотите) установленному Андреем. В моей голове завертелось картонное время, и этот образ бесконечного повтора и безысходности не покидал меня, пока я не сел в поезд. Да и там лишь чередование двух фраз: "возвращение к озеру" и "возвращение из Вены" ещё как-то удерживало голову в согласии с телом.

Расстояние до Бохума наконец было преодолено. Я вышел из поезда.

Обойдя вокзал, я никого из "авторов беспорядка" не нашел. Зато оказался в толпе полицейских и футбольных болельщиков. Последние распевали песни, а первые ощупывали их пьяные, вызывающие у меня давнюю брезгливость, тела. Я ещё несколько раз обошел вокзал. Сделал запись телефонных гудков, когда пытался в который раз дозвониться до Сабины. Снова подойдя к футбольным фанам, записал их крики, песни, хохот. Опять позвонил. Сделал собственные фотографии на фоне вокзала, для последующего доказательства, что я все же добрался до Бохума. Затем прождав ещё минут двадцать, выяснил в информационном бюро, когда ожидается поезд обратно в Кёльн, записав на диктофон и этот разговор. Сел на скамейку и приготовился ждать поезд, размышляя, что странным образом и вторая акция со мной в Бохуме опять сорвалась..... А может, получилась? Вполне можно было предположить, что Андрей с Сабиной находятся где-то рядом, делают фотографии или видеозапись. Я начал внимательно оглядывать вокзал, но, естественно, никого не обнаружил, лишь поймав себя на мысли, что не следует влезать в бред предложенной ситуации слишком глубоко. Просидев так минут десять, я вдруг увидел идущего ко мне Андрея. Я включил диктофон.

Не буду сейчас описывать разговоры, связанные с выяснением причин долгого поиска друг друга (я сделаю это позже). Скажу только, что по пути к озеру мы заехали на блошинный рынок, где я выбрал себе странную картинку под стеклом, на ней была изображена обнимающаяся пара - нежный волк и смазливая овечка. И ещё надев себе на голову настоящий жокейский пробковый картуз, решил с ним уже не расставаться. Сабина тут же, несмотря на мои протесты, заплатила за то и другое.

Далее мы заехали к Сабине за батареей для видеокамеры, и пока она поднималась к себе, Андрей инструктировал меня, как пользоваться рацией.

- После каждой реплики я буду говорить - "over". После того, как ты закончишь говорить, ты тоже должен сказать: "over", - повторил, "over".

- "Овер", - повторил я.

- Хорошо, не забудь в этот же момент нажимать на кнопку! Всё понятно?

Давай попробуем.....

Сабина вернулась, и уже через десять минут мы вышли из машины и направились к намеченной цели. Мы подошли к большой карте. Андрей показал мой маршрут, выдал мне маленькую коробочку со строгим предупреждением не открывать её до поры до времени. Сунул в руку схему акции и согнутый пополам плотный серый лист картона, которым я должен был перекрывать себе вид справа по пути к точке моего назначения.

- Встретимся на этом месте, - сказал Андрей, и они с Сабинкой исчезли в толпе полураздетой, спортивно-вальяжной публики. А публика эта, разгорячённая первым теплым весенним днём, то заваливалась грудой бездыханных, плотных, обнаженных тел в кустах, то пулемётной очередью проносилась мимо меня, то слипшимися парами извивалась в молодой траве.

Я шел, покрасневшийся, потный, нагруженный каким-то хламом, закрывая себе, как выяснилось потом, изумительный вид на озеро. Вскоре показалась метеовышка, за которой был спуск вниз к озеру и место, указанное на схеме. Я опустил правую руку с серой картонкой и мое левое полушарие наконец соединилось с правым. Незабываемое впечатление усиливалось открывавшейся передо мной сверкающей на солнце озерной гладью, напоминающей скорее лед, чем воду, беззвучно разрезаемой треугольниками яхт разного размера и цвета.

Я расставил штатив, достал видеокамеру и тут же понял, что не смогу её закрепить на нём - забыл переходник. Прикрутив её всё же кое-как ремнём, я услышал сигналы рации.

- Вадик, ты на месте? Овер.

- Да, жду указаний. Овер.

- Тогда достань коробочку и раскрой её. Там в серебряной фольге что-то для тебя лежит. Если хочешь, можешь использовать по назначению, но мы не настаиваем. Скажи также, наденешь ли ты жокейскую шляпу или нет. Овер.

- Я уже стою в ней и раскуриваю ваш косяк. Овер.

- Хорошо. Овер.

- Когда включать камеру? Овер.

Пауза. Я стоял на крайней точке узкого мыса в чёрном жокейском картузе, в чёрных модных очках, моя фигура уже почти скрылась в густых облаках голландского косяка "Белая вдова". Я слышал позади себя смешки, а из проплывающей рядом лодки кто-то что-то спросил (как выяснилось потом, на видео, меня спросили по-немецки - Где твоя лошадь?), а я что-то ответил по-английски (оказывается, я сказал - движется). Вдали справа и слева едва виднелись берега, а впереди..... Тут я услышал сигнал по рации.

- Включай камеру, мы уже здесь. Овер.

Я ничего не видел, вглядываясь вдаль. Где высматривать Андрея и Сабину? Куда направлять камеру? И вдруг краем глаза я почувствовал, что с правой стороны движется что-то странное. Я повернул голову и..... Не буду описывать весь комплекс охвативших меня чувств. Но могу заверить, что это было сильнее любого косяка, - передо мной плыл огромный белый лебедь, на спине которого, в небольшом углублении, сидели улыбающиеся Сабина и Андрей. С опозданием (которое можно понять) я включил видеокамеру.

Подплыв ко мне как можно ближе, Андрей бросил мне моток веревки, один конец закрепив где-то в чреве лебедя.

- Держи!

Они начали отплывать, а я сосредоточился на разматывании клубка, который стремился выскочить из рук, расслабленных, неуверенных. Лебедь уже отплыл на расстояние около ста метров, когда (опять-таки с правой стороны) появилась двигающаяся на большой скорости яхта. Она зацепила килем веревку, вырвала её у меня из рук и потащила за собой моего лебедя. Он сопротивлялся, но яхта уносила его дальше и дальше, пока кто-то не догадался разрезать веревку.

Всё на минуту замерло, как бы оценивая нанесенный резким вторжением чужого ущерб. Но вскоре там, внутри лебедя, зашевелились, появился какой-то золотой мешок, который извивался, дергался, увеличиваясь постепенно в размере, - ткань акции, видимо, оказалась восстановлена.

Вскоре лебедь подплыл снова, и опять Андрей бросил мне, но уже не верёвку, а маленький моток чёрных ниток. И опять мой лебедь стал отплывать. И опять началось копошение в золоте. Долгое, бессмысленное, но завораживающее. Потом эту аморфную золотую массу выбросили в воду, и я осторожно потянул к себе нечто, напоминающее то ли умершую, но уже успевшую раздуться, золотую рыбку, то ли чей-то труп, завёрнутый в золотой саван. Тем временем, пятясь задом, лебедь исчез. А я ещё минут десять вытягивал мне неизвестное. В конце концов я извлёк из воды пододеяльник и наволочку, внутри которых находилось всего лишь шесть шаров. Опять раздался сигнал по рации.

- Вадик, ты вытащил из воды мешок? Овер.

- Да. Овер.

- Тогда достань из той же коробочки, где лежал косяк, иглу и, не вынимая шарики, проколи их. И если сможешь,ними это на видеокамеру. Овер.

Я достал иглу, навёл видеокамеру и поочерёдно начал протыкать округлые формы золотого мешка. Упругие поверхности делали глухое, утробное "пух, пух" и обречённо съёживались, выпуская в полость спального мешка Сабинины и Анреевы выдохи.

Далее я начал собирать вещи, включая мокрые пододеяльник и наволочку. Вскоре раздался опять сигнал рации.

- Вадик, когда ты будешь возвращаться, опиши свои впечатления от акции и по возможностиними это на видеокамеру. Овер.

- Андрей, я не могу нести все вещи, говорить и одновременно снимать на камеру. И потом, - тут я растерялся, потому как не придумал ещё что сказать, как объяснить Андрею мою идею, как сделать плавный переход, как переключить авторов (Сабину и Андрея) на режим участников, - у меня тут для вас есть одна вещь.... вобщем, Андрей, мог бы ты..... нет, Андрей, я включу магнитофон, а ты только слушай. Овер.

- Что слушать? Овер.

- Оставь рацию в режиме приёма и слушай. Я возвращаюсь. Овер.

- Но мы ждали твой поезд, который по расписанию должен был прибыть на пятую платформу. Что там в Кёльне - забастовка?

- Я так понимаю, что это ваших рук дело. Это вы устроили весь этот беспредел на немецкой железной дороге.

- Там что-то случилось с электричеством.

- Я не знаю ничего по поводу электричества. Когда я пришёл на вокзал, все поезда в сторону Бохума были отменены.

- Не в сторону Бохума, а везде было отменено.

Сабина: А каким поездом ты приехал?

Вадим: 10.09

Андрей: Потому что электричество было отключено больше чем на час.

Вадим: У меня была идея позвонить в Кёльн.

Андрей: Один раз подошла мать Маши, я всё время забываю как её зовут.

Надежда ...

Вадим: Надежда Васильевна.

Андрей: А Крупскую как звали?

Вадим: Надежда Константиновна.

Андрей: Машиного отца зовут Владимир Ильич, а мать - Надежда Васильевна.

Вадим: У Кости Звездочётова маму зовут Надежда Константиновна.

Андрей: Значит, Надежда Васильевна, а то мне всегда неудобно. (обращаясь к Сабине) Где твоя машина?..... Внизу? Зачем?

Сабина: На улице не было места.

Андрей: А что у тебя в сумке?

Вадим: Камера, штатив, фотоаппарат, подзарядочное устройство - я заряжал батарейки прямо в поезде, наушники, ну что ещё - плеер, твоя кассета...

Андрей: А, кассета! Давай её сразу, а то забудешь. "Мастер" ты тоже взял?

Сабина: А полиция тебя не остановила?

Вадим: Слава Богу, нет, - вы видите сколько у меня проводов, торчащих из сумки. Могли бы обратить внимание. Зато я попал в толпу болельщиков, а это ещё страшнее. Я даже подумал, что произошла ошибка и акция посвящена не мне, а Юре Лейдерману. В общем вы устроили...

Андрей: Мы вчера уже начали. Сегодня я еле поднялся. Все болело страшно. И сейчас ещё болит, но слабее. Мы вчера купили случайно две вещи.....

Вадим: .....я сяду на заднее сидение.

Андрей: Почему?

Вадим: Реквизита слишком много.

(в машине)

Андрей: Мы можем ещё для развлечения заехать на фломаркт, мы туда прошлый раз Альберта возили. Не хочешь посмотреть?

Вадим: С удовольствием...

Андрей: Сабина, не забудь показать Вадике книгу, которую мы купили - от чего всё и пошло.. неожиданная книга...

Вадим: Что за книга? У вас её с собой нет?

Сабина: Куда мы сейчас едем? (смех). Конечно, мы могли бы тоже сообразить, что все поезда опаздывали и ты мог бы сесть на любой.

Андрей: Ты сел не на свой поезд.

Вадим: Я вам сейчас всё объясню....

Сабина: Андрей, я отдала тебе карточку? Ну, что едем на фломаркт?

Андрей: Это всего пять минут. Вадик, а ты Маше звонил сегодня в больницу?

Вадим: У неё телефон в палате не установили.

Андрей: А она может уже ходить?

Вадим: Нет, нет.

Андрей: То есть у неё все ещё кружится голова?

Вадим: Да, да. Она не встаёт.

Андрей: Вот у меня то же самое было. Я два месяца лежал. Это было в 73-м году, я не мог встать - всё было ужасно... А звенит в голове?

Вадим: Ты знаешь, никаких побочных явлений, кажется нет. Только провалы.

Андрей: Что за провалы?

Вадим: Летит куда-то, неизвестно куда.

Андрей: А-а, нарушение координации. Это вестибулярный аппарат.

Вадим: Понимаешь, она лежит в отделении "Ухо, горло, нос"...

Андрей: Так.

Вадим: Они говорят, что она их пациент. И всё дело в среднем ухе.

Андрей: А оно болит?

Вадим: Нет..

Андрей: Что же это такое, не болит...

Сабина: И не звенит?

Андрей: А раньше так никогда не было?

Вадим: Не припомню.

Андрей: Главное, что не болит. А она не испугана?

Вадим: Машу сложно запугать. А почему она должна пугаться?

Андрей: Я был бы страшно напуган, кричал бы, требовал бы транквилизаторов (смех)...

Андрей: А началось ночью?

Вадим: ээээ Днём.

Андрей: Неожиданно?

Сабина: А с желудком стало лучше?

Вадим: Это другая история.

Андрей: А как ты думаешь, отчего это возникло - от стресса?

Вадим: Думаю, стресс, перегрузка.

Андрей: Перегрузка семейная.

Вадим: Можно сказать так - я и семья.

Андрей: А ты что делал?

Вадим: Я же ужасно тяжёлый человек.

Андрей: Ты кричал на неё?

Вадим: Ты что, я никогда не ору. Я создаю напряжение...

Андрей: Что за напряжение? Почему? Ты ведь постоянно занимаешься своими делами у себя наверху. А у неё нет своей комнаты? Ты позволил себе раздражение...

Сабина: Андрей, ты пристегнулся?

Андрей: Пристегнулся..

Сабина: Как пристегнулся, если ремень висит... он меня обманывает...

(на фломаркте)

Вадим: А из чего она сделана, из керамики?

Сабина: Все равно из чего. Андрей для Ани Альчук ищет. Смотри, какая вещь, написано Гюнтер Кабутки, а это что такое... о, отличная вещь, это же голубь. Андрей, посмотри...

Андрей: Посмотри, какой неожиданный образ.

Сабина: Андрей, а вот какая замечательная...

Андрей: Нет, этого не надо. Посмотри, какая абстрактная работа. Что это такое? Что это такое?

Вадим: Я нашел гениальную вещь. Андрей, это просто гениально...волк с овцой в обнимку, посмотри на её морду, это...

Андрей: Не бери, ну зачем. Что ты будешь с ней делать? Она плохого качества.

Вадим: Кажется, это то, что надо.

Андрей: Потом это все выбрасывается.

Вадим: Сабина, а зачем тебе эти открытки?

Сабина: Это такие редкие фашистские фотографии.

Вадим: Сколько они стоят?

Сабина: Десять марок. Отлично. По-моему, это можно купить.

Я прошлый раз не могла купить.

Вадим: Почему?

Сабина: Не могла пересилить себя. Не могла купить. Посмотри, альпы, опера, а вот страшная...

Андрей: Возьми, возьми, хорошая вещь, во всяком случае Сорокину подаришь. Он обожает такое.

Вадим: Сабина, посмотри, мне подходит, не маленькая...

Андрей: Размер подходит?

Вадим: Идеально.

Андрей: Вадик, тогда ты будешь в нём?

Вадим: Пожалуйста, я не возражаю..

Андрей: Только, наверно, в нём будет жарко.

Сабина: Давай я сфотографирую.

Андрей: Сейчас не надо - во время действия.

Вадим: Это настоящий жокейский картуз, пробковый.

Сабина: Отличная вещь!

Андрей: Ты можешь использовать в своих работах.

Сабина: А можно по-русски сказать "жокей"?

Андрей: Действительно, это же жокейская шапка, а я вначале подумал, что для мотоцикла.

Сабина: Жокей родился.

(Далее на плёнке запись проверки работы раций, уже частично воспроизведённая выше, поэтому здесь не воспроизводится.)

(в машине)

Андрей: У тебя могут быть проблемы с солнцем.

Ты должен будешь навести камеру прямо на воду.

Вадим: Если будут прямые лучи, камера начнёт мигать, но я думаю, что этого не произойдёт.

Андрей: А в камере нет защитного фильтра...

Вадим: Ну, в таких случаях обычно используют дополнительный фильтр, который накручивают на объектив. Долго ли нужно снимать?

Андрей: Минут пятнадцать, восемнадцать. Тебе должно хватить батареек. Если нет, то вставишь нашу. У тебя есть какой-нибудь карман, в который можно коробочку положить? Вот возьми. Открывать только, когда будет сказано тебе по рации. Где карман? Клади. Это важная коробочка. Вот для тебя ещё картонка, ей ты будешь голову прикрывать и загораживать себе вид справа. Вадик, только честно, не смотри направо. Тебе же неинтересно будет..... Сабина, куда ты поехала, ну ты даёшь.....Вадик, а Юра тебе рассказывал про акцию, которую мы ему сделали?

Вадим: Да, он, кажется, должен был все время что-то считать....

Андрей: Сейчас цифр не будет. Сейчас будут антицифры....

Сабина: Анархия.

Андрей: Сабина, ты же едешь в обход, не видишь? Ты же здесь живёшь.

Сабина: Что же ты не сказал раньше?

Андрей: - Ну, ты совсем... куда ты едешь? Где озеро? Почему ты не повернула направо?

Сабина, куда-ты едешь? Сабина.....

....."

4.

На этом, собственно, можно было бы и закончить. Но стоит еще, видимо, несколько слов написать о совпадениях, сопутствующих акции. Как я уже сказал, первым совпадением было время. Время картонных часов 10.10. (разница в одну минуту) оказалось временем отправления поезда, который из-за вируса "I love you" и поломки комьютеров отправлялся по старому расписанию в 10.09. Второе: выставка, к которой я делал перезапись видеоматериала Андрея, называлась "Возвращение из Вены", тогда как моя носила предварительное название "Возвращение к озеру".

Третье: моя идея незаметного "переключения режима" с автора на участника была случайно подкреплена местоположением авторов и участника в двух посвященных мне акциях - «В. Захарову». Если в первой акции на правом берегу озера находился зритель-участник, а авторы - на мысу, у метеовышки, то во второй акции места были "зарезервированы" наоборот.

Пятое: голландский косяк назывался "Белая Вдова", тогда как в 1987 году у меня был проект для студентов Академии в Осло под названием "История Чёрной вдовы", более того, и в моём проекте, и в акции, посвященной мне, присутствовали клубки с нитками, которые в первом случае разматывали (вязали) студенты, а во втором я сам.

И последнее. Появление лебедя было шокирующим не только потому, что я курил "Белую вдову", и не только от неожиданного возникновения неизвестного. А от того, что это "неизвестное" сразу было мной прочитано и оценено на должном уровне. Было достаточно доли секунды, чтобы выстроить в голове всю цепочку, предшествующую этому появлению - давняя моя работа, где под музыку Чайковского из "Лебединого озера" крутился, как в спиритическом сеансе, стол с балетными тапочками, мои ночные прогулки по Праге вдоль Влтавы с белыми лебедями, двигающимися в тягучей, чёрной воде (тогда меня страшно напугавшими своей ночной жизнью). Затем всплыли в голове сюжеты последующих моих рассказов о Праге, где лебеди были представлены неким ужасающим, потусторонним явлением. Затем фотография в журнале "Пастор" с темой "Патологии и Норма", где можно видеть три чёрные, крайне изумлённые фигуры перед естественно белым, спокойно стоящим на берегу лебедем. Затем вечерний разговор с Андреем в Москве, когда я показывал готовый журнал и мы долго говорили о лебедях, и Андрей даже показал мне старую свою работу, где на одном листе были изображены улетающие лебеди. Наконец, совсем близкое - мой видеосюжет о сектах, демонстрируемый на выставке в Jeu de Paume. Там начало и конец "сошествия в ад" были проиллюстрированы плавающим (на шестиметровой стене зала) огромным лебедем. Приблизительно в таком размере он и появился передо мной, выплыв с экрана (ещё более утрируя и усугубляя гиперболу) в сторону шокирующей реальности. Но я был шокирован глубиной узнавания. Последним, что всплыло в моей голове (перед тем, как я забил её многочисленными указаниями к действию), была моя очередная прогулка с композитором Иваном Соколовым в Кёльне: мы плавали в красной лодке по линденталевскому озеру и делали фотографии лебедя, который, собственно, и был тем самым, из фильма о сектах.

Сабина и Андрей, как настоящие психоаналитики, вытащили этот мой лебединый комплекс последних лет из моего подсознания, предъявив его моим глазам, моему сознанию. Одновременно и я тоже выступил как некий хитрый доктор, выставив напоказ то, что всегда было за кадром. Поэтому эта акция и имела глубинный успех, так как затронула одновременно две стороны в их психопатологическом состоянии. Это подтверждается и тем, что выбросив в воду некое аморфное, явно больное тело (нечто подобное делают шаманы, демонстрируя родственникам и самому больному болезнь воочую, в виде кровавого шарика с перьями, якобы вытащенного из нутра человека), Андрей и Сабина заставили меня его проколоть, т.е. уничтожить болезнь, с которой не могли справиться сами. Одновременно я прокалывал и свои "мыльные пузыри кёльнского пастора" (см. три мои работы с мыльными пузырями) - собственно, непомерно раздутый образ Другого.

Таким образом, мы прокололи друг друга, освободив свой горизонт от навязчивой идеи второго "я".

- Андрей, Андрей, ты меня слышишь? Ты опять молод, красив и здоров!

PS. И последнее. Так получилось, что данный текст, по сути, обращен к одному из авторов акции- Андрею Монастырскому. При этом первый автор проекта- Сабина Хэнсен, осталась без должного критического внимания. Я официально заявляю, что сама акция, ее реализация, доводка до умопомрачительного эффекта- заслуга Сабины Хэнсен. Роль второго автора- А.

Монастырского- просто сомнительна, возможно, даже, ничтожно мала, а попросту- не обязательна (впрочем, как и всегда).

Лоэнгрин.

май-июнь 2000 г.